

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского

V Слово

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Ш52

Ш52 Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского: V Слово / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 218 с.

ISBN 978-5-458-64969-8

Издание представляет собой публикацию древнерусского текста V Слова Шестоднева, его перевод на современный русский язык, комментарии к переводу и исследование памятника. Шестоднев является одним из основополагающих памятников религиозно-философской культуры Древней Руси. Он включает в себе богатейшее, еще не осмысленное историками философии содержание. В Шестодневе формулируются основные положения в христианской онтологии, натурфилософии и гносеологии. Будучи энциклопедическим по своему характеру трудом, содержащим наиболее передовые для этой эпохи знания и представления, Шестоднев представлял собой древнейшую в отечественной культуре антологию сведений об античной мысли.

ISBN 978-5-458-64969-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

исследований М.В.Соколова трудов Иоанна Дамаскина и Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского. (Заметим, между прочим, что М.Н.Тихомиров страшно возмущился этой "доработкой", которой подверглась его глава, в частности, он протестовал против включения в нее как раз тех материалов "из Соколова", которые по недоразумению, случайному стечению обстоятельств, попали в дальнейшем в его посмертно изданную книгу).

Но как бы то ни было, именно в связи с главой М.Н.Тихомирова (и включенными в нее материалами М.В.Соколова) для I тома "Истории философии в СССР" впервые в советской историографии древнерусской философской мысли в острой форме была поставлена проблема разграничения истории философии и истории богословия, и в том числе применительно к Шестодневу Иоанна экзарха Болгарского.

Хотя с тех пор много воды утекло, проблема разграничения истории философии и истории богословия в средневековой Руси осталась, и поэтому нам хотелось бы рекомендовать читателям и особенно начинающим авторам, пробующим свое перо на истории древней и средневековой русской мысли, повнимательнее присмотреться как к публикуемому в настоящем сборнике тексту V Слова Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского, так и к комментариям, посвященным этому сочинению.

Читатель, по-видимому, заметит, что исследовательские статьи и комментарии написаны в принципе в одном ключе, и я бы сказал, исключительно уважительно, порой даже несколько некритично по отношению к Шестодневу Иоанна экзарха. Но известные разночтения между соавторами исследуемого ими сочинения, а также в интерпретации проблемы соотношения богословского и философского (и соответственно христианского и античного) в этих статьях и комментариях просматриваются. В статье "Христианские и античные традиции в Шестодневе" ярко показывается, каким образом в этом сочинении переплетаются христианские и античные мотивы, как этот христианский в своей основе труд вбирает в себя обширный натурфилософский материал, заимствованный из античных авторов, особенно из Аристотеля. Что касается философии в Шестодневе, то это, как отмечается в статье, "философская сторона памятника", играющая в нем "дополнительную по отношению к богословскому содержанию роль".

В статье "Культурно-историческое и религиозное значение Шестоднева" большое внимание акцентируется на догматико-богословской форме Шестоднева Иоанна экзарха и фактически доказывается, что по содержанию это сочинение вышло за рамки соб-

ственно богословия, став даже своеобразной антологией античной философии. Тем самым авторы как бы подчеркивают особую значимость небогословских частей Шестоднева. Такая точка зрения имеет право на существование, поскольку на самом деле форма и содержание того или иного сочинения нередко не совпадают. Однако весьма проблематичен вопрос о том, в какой степени именно в Шестодневе Иоанна экзарха содержание не совпадает с его формой. Нужно ответить на вопрос как о том, есть ли в Шестодневе Иоанна не только богословская, но и философская проблематика, так и о том, каков статус наличествующих там философских идей, был ли Иоанн не только богословом, но одновременно и философом, решавшим соответствующие собственно философские проблемы, причем именно философскими, а не богословскими методами, или он был богословом, привлекающим философскую проблематику лишь для того, чтобы обличить античных философов с христианской, причем сугубо богословской точки зрения. Если в таком ключе оценить Шестоднев, то придется усомниться в том, что этот труд представлял собой антологию античной философии. Главная цель Иоанна — это не информация об античности, а обличение "эллинских мудрецов", — при некоторой снисходительности к близким к христианству мыслителям, особенно Платону, — которые якобы лишь попусту беседовали, много и зря рассуждали о природе, друг другу противоречили, но не нашли единственного способа, чтобы уразуметь Бога как творца вселенной, не сумели понять, что вначале Бог сотворил небо и землю. Космогонические теории античных мыслителей, по Иоанну, есть не что иное как басни.

Конечно, поскольку в Шестодневе упоминаются Фалес, Демокрит, Платон, Аристотель, другие античные мыслители, сообщались попутно, хотя бы отрывочные сведения о том, какие мысли эти "внешние философы" высказывали (они, мол, рассуждали о видимой природе и вещественных началах, видели причину всех вещей в стихиях мира, утверждали, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела и т.д.), эта информация помимо от воли составителя Шестоднева могла способствовать распространению представлений о том, кто такие философы и чем они занимались, каким именно было субъективное отношение Иоанна к античной философии и их идеям: а оно было по преимуществу обличительным с христианской, главным образом, богословской точки зрения. Богословом Иоанн был не только по форме, но и по содержанию. Собственно же философия в его мировоззрении занимала маргинальное место.

По нашему мнению, ответить на вопрос о том, каким философом был Иоанн экзарх, можно, лишь решая одновременно вопрос о сути его богословской позиции. В связи с этим нам хотелось бы обратить внимание читателя на статью "Шестоднев Иоанна и предшествующая богословская традиция", в которой дан, как нам представляется, солидный историко-философский анализ именно богословской проблематики. Здесь подробно рассматриваются как антифилософские, так и профилософские тенденции в различных богословских школах, и тем самым неодинаковое соотношение богословия и философии у предшественников Иоанна экзарха Болгарского. На наш взгляд, такой подход является весьма плодотворным, когда решается вопрос о том, к какой традиции – как в сфере богословия, так и в сфере философии – относится Шестоднев болгарского мыслителя.

А теперь предоставляем читателям возможность самим решать, насколько прав официальный рецензент сборника, упрекнувший его авторов в том, что в нем есть увлечения богословскими проблемами в ущерб собственно философским. По нашему мнению, в сборнике, несмотря на некоторые перегибы, в целом предложен перспективный путь: только разобравшись в богословской проблематике, выявив разграничительные линии между богословием и философией в восточном христианстве вообще, в древнерусском христианстве в частности, можно надеяться на адекватный результат в изучении древнерусской философской мысли. А поскольку авторы и комментаторы предлагаемого сборника "Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Христианская и античная традиция в памятнике", на наш взгляд, во многих случаях весьма преуспели в решении этих задач, мы с удовольствием рекомендуем их работу читателю, еще не искушенному в этой сфере, но проявляющему к ней интерес.

В.Ф. Пустарнаков

**Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского —
общеславянский памятник
богословско-философской мысли**

Об авторе Шестоднева и его эпохе

Появление Шестоднева относится к периоду культурного подъема Первого Болгарского царства (864 или 865 — 27.05.927), который совпадает с наибольшим могуществом Болгарии в годы правления Симеона, распадающиеся на два периода — княжеский (893-919) и царский (919-927). Симеон был достойным наследником своего отца Бориса, княжение которого (852-889) ознаменовано введением христианства (864 или 865) и заложением основ христианской славяноязычной культуры. Правитель Болгарии покровительствовал изгнанным в 885 г. из Моравии ученикам Кирилла и Мефодия Клименту, Науму и другим, составившим костяк так называемой Преславской школы книжников и религиозных деятелей¹.

И культурные начинания, и религиозное строительство в Болгарии проходили, с одной стороны, под знаком преемственности христианства у Византии, а с другой — в жестком противостоянии ей, выражавшемся в стремлении утвердить церковную и идеологическую независимость от Константинополя². Ради достижения независимости в религиозных вопросах болгары, по примеру моравов, вдохновленных Кириллом и Мефодием, использовали противоречия между Римом и Константинополем³. Но если болгарский князь Борис лишь только ставил вопрос о независимости от патриарха и смог добиться не более как учреждения архиепископства (870), его преемник Симеон завершил начатое отцом дело. Нанеся ряд крупных поражений Византии, он утвердил болгарскую автокефалию с собственным патриархом во главе (913) и самовольно присвоил себе царский титул (объявил себя "цесарем и самодержцем всех болгар")⁴.

Время правления Симеона, особенно мирный его период (т.е. период отсутствия войны с Византией с 893 по 913 гг.), вошел в историю болгарской культуры как ее "золотой век". В юности будущий

болгарский царь находился при византийском дворе, где получил лучшее по тем временам образование в Магнаурской школе, изучая философию, риторику и все предметы тривиума, преподававшиеся в этой школе. Прилежанием и любовью к науке он заслужил высокую оценку современников, за что в Византии был назван "полугреком", а у себя на родине "книголюбом". Симеон может быть сопоставлен с лучшими представителями Византийской образованности IX-X вв.: с крупнейшим представителем византийского просвещения богословом и философом Фотием (патриарх с 858 г.), с заслужившим прозвище философа Львом VI (886-912), Константином Багрянородным (913-959).

Будучи великолепно образованным, правитель Болгарии принимал самое непосредственное участие в культурных начинаниях у себя на родине. По его инициативе осуществлялось огромное количество переводов с греческого. Был составлен Изборник Симеона – протограф всемирно известного ныне Изборника Святослава 1073 года, о чем свидетельствует авторское посвящение, сохранившееся в некоторых поздних списках этой рукописи. Он же являлся инициатором, если не заказчиком осуществленного Иоанном экзархом труда по написанию Шестоднева. Указание на это содержится в Прологе к Шестодневу (1а) и в конце I Слова, в части, принадлежащей перу Иоанна экзарха (137а). Кроме того, VI Слово показывает хорошее знание автором дворца Симеона и проходивших в нем церемоний.

В Шестодневе есть и другие приметы быта и духовной обстановки в Болгарии времен Симеона. Красной нитью, например, через Шестоднев проходит обличение дуалистических еретических взглядов. Пристрастное внимание к этой теме было вызвано распространением дуалистического богомильского учения, зарождение которого относится как раз к эпохе Симеона. Не случайно об авторе Шестоднева как об уважаемом и достойном своем современнике говорит обличитель богомильства Козьма Пресвитер в своей "Беседе на новоявившуюся ересь богомильскую". Косвенное указание на время появления Шестоднева заключает в себе упоминание Иоанном Кириллом и Мефодием как ближайших своих предшественников в деле просвещения славян. Все это в сумме указывает на вторую половину IX – начало X века как на время, когда был создан выдающийся памятник раннеболгарской письменности.

Кроме того, что Иоанн был современником Симеона, мы практически не имеем других сведений о жизни выдающегося систематизатора христианского учения, яркого писателя и оригинального

мыслителя. Предполагают, что Иоанн находился в окружении Симеона, вместе с которым болгарский князь Борис послал даровитых болгарских мальчиков для обучения в Константинополь, точнее в Константинопольский Студитский монастырь. Магнаурская школа была элитарной, но судя по широте кругозора, который характеризует составителя Шестоднева, автор его получил всестороннюю подготовку, не уступающую уровню образованности выпускников Магнаурской школы⁵. Так или иначе в лице Иоанна славянская культура получила достойного продолжателя дела солунских братьев, смысл и высокое назначение которого состояло в приобщении славяноязычного мира к христианству и одновременно гарантировало сохранение чести, достоинства и самостоятельности народа, познавшего это учение. По возвращении на родину он находился в кругах близких Симеону, занимая значительные церковные посты, на что указывают его титулы "пресвитер" и "эксарх"⁶.

О творчестве Иоанна мы знаем больше, чем о его биографии. Известно, например, что кроме составления Шестоднева ему принадлежат также переводы с греческого текстов Иоанна Дамаскина, а точнее сочинения "Небеса", являвшегося частью капитального труда под названием "Источник знания", куда наряду с богословскими входили и философские главы "Диалектики". Не случайно в рукописной традиции тексты Дамаскина иногда помещают вместе с Иоанновым Шестодневом⁷. Причиной могла служить как принадлежность обоих текстов одному автору-переводчику, так и философско-мировоззренческая близость их, поскольку Дамаскин являлся продолжателем каппадокийской традиции, к которой склонялся и Иоанн⁸.

Учитывая эти немногие сведения об Иоанне эксархе, можно предположить, что основу его творчества составляла переводческая деятельность: с одной стороны, обращение к текстам Дамаскина, с другой – компиляция переводов из Василия Великого, Севериана Габальского и Феодорита Кирского.

Исследователи не без основания считают, что творчество Иоанна эксарха непосредственным образом было связано с Преславским культурным центром, а книжники Преслава находились в рамках кирилло-мефодиевской традиции, отличающейся некоторым своеобразием и независимостью от религиозных центров на Западе и Востоке. Видимо, вместе с этой традицией тексты преславцев, включая и произведения Иоанна, попали на Русь, сознательно избравшую именно эту традицию в отстаивании церковной и политической независимости от Византии.

-
1. См.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 51-52.
 2. По удачному образному обобщению Д.С.Лихачева, процесс этот имел характер "освоения-борьбы" (см. его работу: Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. С. 29). В аналогичных с Болгарией обстоятельствах оказалась христианизруемая Русь, ограждающая себя от политических и гегемонистских религиозных притязаний Византии. Опыт болгар в идеологическом обеспечении суверенитета не мог не использоваться Русью, а этому способствовал и кирилло-мефодиевский принцип богослужения на родном языке, и усвоение болгарской письменности, специально отработанной и приспособленной для этих целей (см.: *Бычваров М.Д., Горский В.С.* Характер и основные направления взаимосвязи философских культур древней Руси и Болгарии // У истоков общности философских культур русского, украинского и болгарского народов. Киев, 1983. С. 9-10). Общее для обеих стран стремление к религиозной и культурной независимости основано на едином корпусе памятников, на приверженности кирилло-мефодиевской традиции.
 3. См.: *Абрамов А.И.* Роль Византии и Болгарии в крещении Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 83. В исследовательской литературе совершенно справедливо указывается, что наряду с восточным и западным полюсами противостояния в христианском мире существовали и другие, независимые от них, мощные течения, в частности антиохийское (см.: *Кузьмин А.Г.* Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. С. 25). Антиохийский пласт заимствованный у независимого болгарского писателя и мыслителя, как уже говорилось, представлен весьма значительно.
 4. В 918 г. Симеон собирает собор болгарских епископов, провозгласивших его царем и избравших своего патриарха. В 920 г. он предпринимает наступление на Византию, чтобы утвердить себя царем ромев и тем фактически уравнивать свой титул с императорским. Такого рода претензии вызвали резкий протест со стороны византийского императора Романа Лакапина, который в своих посланиях к Симеону отвергал самозванные претензии на данную от Бога царскую власть и упорно именовал его либо властителем, либо князем болгар. Только после смерти в 927 г. Симеона в том же году титул басылевса был признан Византией за Петром (болг. царь 927-969 гг.), что было закреплено женитьбой на дочери византийского императора.
 5. См.: *Златарски В.* История Болгарската държава пред средните векова. Т. 1. Ч. 2. София, 1971. С. 225. Если верно предположение о том, что Иоанн находился в византийской столице одновременно с Симеоном, то этот период должен быть определен между 873 и 881 гг.
 6. О значении титула см.: Шестоднев Иоанна экзарха как памятник средневекового философствования. М., 1991, С. 93-99.
 7. См.: *Громов М.Н., Козлов Н.С.* Русская философская мысль X-XVII веков. М., 1990. С. 16-17.
 8. См.: *Замалева А.Ф.* Философская мысль в средневековой Руси. Л., 1987. С. 85-86.

***Культурно-историческое
и идейно-религиозное значение Шестоднева***

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского – уникальный общеславянский памятник философско-богословского содержания. Он был создан одиннадцать столетий тому назад в Болгарии, откуда вместе с другими произведениями церковной литературы постепенно распространился в христианизированном славянском мире. Обширно географическое и временное пространство, на котором исследователи выявили присутствие памятника: за пределами родины тексты Иоанна воспроизводились книжниками Сербии, Хорватии и древнерусских земель, а длительность бытования памятника в рукописной книжной традиции простирается до XVIII в.

В грекохристианской книжности не было недостатка в Шестодневах, освященных к тому же именами авторитетных в церковном мире авторов, но при всем том многие поколения славянских книжников отдавали предпочтение одноименному сочинению Иоанна экзарха Болгарского¹. Сам по себе сохранявшийся веками интерес к памятнику, безусловно, свидетельствует о высокой оценке потомками предпринятого Иоанном труда. Действительно, его автор заявил о себе как о выдающемся писателе и мыслителе. Уже на самом раннем этапе христианизации Болгарии им был создан высокий образец только что зародившейся книжной культуры. Правда, причины популярности Шестоднева далеко за пределами Болгарии вряд ли кроются лишь в литературных достоинствах труда. Неординарным было само содержание памятника. Нарботанные за многие века восточнохристианской культурой ценности, а через них и наследие античной эпохи были восприняты, усвоены и переработаны Иоанном применительно к идейно-религиозным запросам новообращенного болгарского общества. Труд по своему значению перерос национальные рамки, ибо он органически соответствовал условиям религиозной жизни не только Болгарии, но и иных славянских стран. Для православного славянства значение болгарского Шестоднева, выступившего в роли посредника между византийской и национальными культурами, было весьма велико. Сформулированные в нем основные положения христианского учения были приняты северными соседями империи. Предпочтение, которое отдавалось Шестодневу Иоанна, точнее, его содержанию, предопределило его судьбу как памятника общеславянского. И в этой его судьбе отражалась схожесть путей, которыми в своем культурном развитии шли моло-

дые славянские народы. За религиозными предпочтениями в христианском мире, как известно, стояли политические интересы и культурные традиции, слишком разные по своим историческим судьбам и этническому составу регионов. Славянство, которое искало свою, приемлемую ему версию христианства, в данном случае не исключение.

В средневековье, как известно, существовал примерно одинаковый фонд книжности, общий для стран христианского региона. С одной стороны, Шестоднев причастен к этому фонду, ибо он заключал в себе выдержки из наиболее авторитетных в восточном христианстве авторов, с другой – составленный и отредактированный славянином он не получил распространения за пределами славянского мира. Есть основания считать, что в силу своего "славянского происхождения" и по причине прочной замкнутости внутри славянского ареала Шестоднев был наиболее национальным, на фоне наднациональной христианской литературы. Среди прочих сочинений, получивших распространение в славянском мире, Шестоднев, причастный сразу к нескольким национальным культурам, занял особое место в общеславянской христианской книжности как один из основополагающих, так сказать, ключевых текстов для эпохи христианизации молодых славянских народов. По религиозно-мировоззренческому значению, по воздействию на общественное сознание труд Иоанна экзарха Болгарского сопоставим лишь с переводами библейских и святоотеческих текстов, которые были осуществлены первоучителями славян Кириллом и Мефодием. Шестодневу отдавали предпочтение скорее всего потому, что он наиболее полно учитывал особенности духовной жизни славянских народов.

В изучении прошлого совершенно невозможно без ущерба для истины недооценивать роль узловых элементов культуры, которые в межкультурном общении выступают связующими звеньями. А ведь Шестоднев, будучи памятником межславянского общения, через святоотеческую традицию подключал славянство к более широкой общности – восточной ветви христианства.

Важным в деле осмысления культурно-исторического значения созданного Иоанном экзархом произведения представляется рассмотрение содержания этого сочинения, подлинное богатство которого не получило, к сожалению, в научной литературе должной оценки.

Шестоднев Иоанна по формальным признакам относится к разделу догматико-богословской литературы. Однако в произведении отсутствуют свойственные догматике пространственные отвлеченные рассуждения, хотя его Шестоднев, в большей своей части, состоит из

заимствованного у Василия Великого, Севериана Габальского, Феодорита Кирского материала. Такого эффекта Иоанн как составитель достигал умелой мерой цитирования, соединением заимствованных кусков с собственным авторским текстом, либо с пересказами. Нельзя не отметить, что Шестоднев практически лишен обычной в таких случаях мозаичности. Повторения в ряду заимствований присутствуют только там, где имеются дидактические причины. Противоречия между различными частями текста на поверхности практически не видны, они вскрываются только при углубленном, скрупулезном и придирчивом анализе². А ведь Иоанну приходилось объединять слишком разные по своим взглядам авторитеты. Рука составителя чувствуется не только в скупых авторских отступлениях и редакторской правке, она присутствует в гармоничной архитектонике произведения, в легко доступной восприятию выборке извлечений из христианских писателей, в той целостности, емкости и образности, которая отличает оригинальную компиляцию от стоящих за ней первоисточников.

Можно сказать, что Иоанн экзарх выдержал законы жанра, следуя классическим образцам греческих Шестодневов, однако он вышел за рамки обычных для жанра задач экзегезы. Заключенные в его трудах идеи предназначались не только узкому кругу ученых книжников, они формулировались в расчете на широкое общественное звучание. В сочинении менее всего присутствуют догматические упражнения, оно практически целиком подчинено внедрению в новообращенном обществе основ христианского вероучения. В соответствии с религиозно-просветительским своим назначением Шестоднев Иоанна являлся главным образом текстом общемировоззренческим. В нем в обобщенной и совершенной с литературной точки зрения форме выражена суть основ христианского учения о бытии, изложенных в Св. Писании и святоотеческих толкованиях на него. В Шестодневе основополагающие для вероучительной доктрины представления о Боге, мире и человеке имеют вид некоей выборки, вполне доступной для восприятия читателя, не имеющего специальной богословской подготовки. Вместе с тем произведению совершенно чужд примитивизм, проявляющийся обычно при подобного рода адаптациях. Иоанн сумел выдержать свое произведение в высоком стиле богословской публицистики, сделав учение доступным новообращенному славянскому миру. Можно сказать, что жанр Шестоднева получил под пером болгарского писателя дальнейшее творческое развитие. Хочется особо подчеркнуть, что Шестоднев Иоанна — это не среднего качества эклектика на тему шести дней